

Алёна Каримова

Не то чтоб ясная заря,
не то чтоб тройка с бубенцами,
но – белый парус декабря,
и новогоднее мерцанье!

Печально оглядев заглазник,
бурды отравной, милый друг,
плесни в пластмассовый стакашек –
возьми меня в последний круг.

Мы оба знаем, здесь не наши,
ни почта и ни телеграф,
но наблюдаем, как нестрашно
детишкам радуется Альф,
как, ничего не говоря,
собака у подъезда мерзнет.
О, белый парус декабря!
Худой зимы мотивчик слезный.

Спит служитель движенья дорожного
на посту, с атрибутом в руке.
Только все равно будь осторожнее –
нам же нужно пробраться к реке.
Это при-город, вы-город, за-город,
глупой птицы коротенький крик,
рань рассветная... Медленно, загодя
указатель печальный возник.
Мы свернем на ничейную просеку,
свет, как в лифте, задумчив и тускл...
Наших три заблудительных сосенки,
а за ними затейливый спуск.
Черный бисер случайной смородины,
гриб, раздавленный чьей-то ногой...
Это родина? Может, и родина,
может, просто туман над рекой...

Алёна Каримова (1976)
родилась в г. Кызыл-Кия.
Закончила Казанский
государственный
университет.
Публиковалась
в журналах: «Юность»,
«Октябрь», «Знамя»,
«День и Ночь»,
«Наш современник»,
«Казань», «Идель»,
«Квадратное колесо».
Автор сборника
стихотворений
«Другое платье» (2006),
участница Фестиваля
современной поэзии
имени Бориса
Чичибабина (Харьков,
2004), 3-го (2003)
и 5-го (2005) Форумов
молодых писателей
России в Липках.
Руководитель Лито при
музее
А. М. Горького
в Казани

Надежды нет.
Смени вокзал-другой –
пространство изотропно, как кисель.
В науке жить мы все ни в зуб ногой,
а раз устал – тебе пора в постель.
Ко мне, конечно...
Только не люблю
я этот твой интеллигентский треп
о судьбах мира...
День плывет к нулю,
так хочется проснуться, милый, чтоб
случилась завтра новая метель
и занесла дома до самых крыш,
а нам-то что – расстелена постель
и воскресенье...
Что же ты стоишь?

К. Б.

Вагоновожатый вежливый: «Осторожны будьте».
Да нет, это пленка. Диктор советского радио.
Продавец билетов ежится в сонной будке,
а нам радостно. Весело.
Непонятно, чего ради
мы приперлись в столицу, слух ее раздражать
говором – русским, конечно, – но не московским.
Нас не полюбят швейцары и сторожа,
и не узнают ни Пушкин, ни Маяковский.
Только одна женщина, добрая, но справедливая,
кофе предложит заморский жаркой Джакарты.
Славная жизнь – кочевая, пустая, счастливая...
и двенадцать единиц телефонной карты.

Долой-долой расчеты и программы,
безграмотен и бледен бедный аз,
и помнит лишь, как мама мыла раму,
покуда жизнь еще не началась.

В доме твоём, в простуде и в неправде
все девочки похожи на меня –
играть-играть... и не чего-то ради,
а просто так, борясь со скукой дня.

Нет ничего в касаньи поцелуя –
ни пошлости, ни страсти, ни любви...
так смерть придет, нас к жизни не ревнуя,
избавит от томления в крови,
от неизбывной сумрачной охоты –
произойди хоть что-нибудь, не трусь!..

Но дело-то не в трусости, ну что ты...
А в чем – сама пока не разберусь.

Нам хочется зимы и тайной дверцы,
щекой касаться розовой щеки...
Мы шутники, безумцы, иноверцы –
и взятки гладки, и шаги легки.

Столько разных людей укрывается в простеньком «ты»,
что не странно совсем, что тебя обнимают другие...
Что ты, нет, дорогой, я совсем не сжигаю мосты,
я ловлю в зеркалах отраженья твои золотые...
Говоришь: «Это жизнь». Говорю: «Ни хрена себе – жизнь!
Это трусость, Хуан... а у трусости нету причины».
Вот такой карамболь. И попробуй тебя удержи...
Ты – сплошное отсутствие, мой ненаглядный мужчина.
И не столько горчит, что уйдешь от меня далеко,
а обидно, что мир мой послушен тебе без остатка:
за тобою мое убежало с плиты молоко,
за тобою ушла горемычная наша собака.
Все с тобой, о тебе, для тебя... может, хватит? Теперь
надо взяться за ум, повзрослеть, перестроить основы,
сделать новую стрижку, влюбиться, т.д. и т.п.

...

Так мы с Вами встречались? Когда? Вы серьезно? Да что Вы!

Тайн не осталось для вкрадчивых глаз дракона,
страсть, становясь ручной, в область уйдет преданий.
Законы речи, смотри, сильнее других законов,
стало быть, так и есть, письма важней свиданий.

Письма важней...
Зачем хочется вон из комнат,
не признавать родства, выгнать судьбу взащей...
Город чужой, как смерть, муку твою запомнит,
не отличив от мук утренних алкашей.

В сердце уродец спит, тонкие лапы спрятав,
морда его хитра, он – первобытный страх,
и никаких нельзя выдумать тридевятих
царств без него, нельзя спрятаться во дворах.

То-то туда-сюда вечное мельтешенье,
другом тебе Платон, истине – грош цена,
вынь отпечаток сна – смутное предрешенье,
жизни твоей эскиз, выплаты дань сполна.

Черта ли шалаши, нам подавай подмости,
пусть нас увидят все. Кто может быть честней?
Буду и я звенеть глупеньким отголоском,
славить простецкий рай стиранных простыней.

Только зазря февраль высился долговязо,
нашу с тобой любовь в бережной вазе нес,
даже фантомы грез, даже герои сказок
вряд ли могли о нас думать вполне всерьез.

Все хлопали музыкантам в красивых таких рубашках
и памятник был Шаляпин за ними, как Командор,
но сценой была брусчатка, где худенькая бродяжка
плясала, изображая безудержности задор.

В бездомных домашних тапках, походкою невозможной
ввергая тупых подростков в почти истеричный смех,
танцуй. На земле не нужно ни истины непреложной,
ни грез, ни любви, ни веры – боль заменяет их всех.

В немислимом одеянье, в коричневом одеяле,
без капли напрасной злости, беззубый рот приоткрыв,
кружилась легко и плавно, а мы за чертой стояли,
послушной не веря скрипке за сладкий ее надрыв.

Хотя никак понять нельзя
чудную суть преображенья,
все хочется продлить скольженье,
на пешку разменяв ферзя.
Отдать бессмысленности дань,
и в мире истин непреложных
зациклиться на невозможном,
полив засохшую герань.

Насмешка в воздухе слепом:
ну, тоже горе – слез не лейте...
Как просто говорить о смерти,
покуда ею не влеком.
Синдром актерства вечно жив –
не различить где кровь, где краска.
Спешит неловкая савраска,
В себе Пегаса нрав открыв.

И я смятение свое
прозрачным словом обозначу,
возьму подкову на удачу,
освобожу твоё жильё.
А ты мне выглянешь в окно,
как будто глянешь с пьедестала.
Никто не прав, а я устала,
а мир с тобою заодно.

Из цикла «ДОМ»

Моей давани

90

Ничего не скажешь, а скажешь – ложь,
только горько в горле глухим словам.
Я запомню темный глубокий дождь,
в ночь, когда была ты еще жива.

Дорогая, как беспокоен свет,
на расправу скор, да на ласку скуп...
У кого теперь изыскать ответ,
сколько надо было картошин в суп?

У кого спросить, где вернее брод
Через речку глупую Черемшан?
Не туда ли, сонных касаясь вод,
полетела нынче твоя душа...

Дорогая, милая, правнук твой
хорошо умеет уже ходить.
Ручку требует и листок – долой,
у моих колен, на меня сердит.

Он не знает, как нам с тобой жилось
в деревеньке, влево от большака,
как в саду малина, в воротах – гость,
как черна черемуха в кузовках.

За деревней озеро Султанбей.
Надувной купила зеленый круг
И вручила: «На, балам, не робей,
удиви крикливых своих подруг».

А коза Чернушка, как пес за мной –
своенравна тоже. В хозяйку... Вот,
так и жили...
Слышишь, детеныш мой?
Только он не слушает, кривит рот.

У него теперь давани своя,
и свои секреты у них двоих.
Дорогая, это и есть семья?
Зур рахмат. Спасибо тебе за них.

Жизнь забывается помаленьку...
В снах моих все молодеешь ты.
А посреди пустоты, тщеты
Сын обнимает мои коленки –
Тянет играть – просит строить дом,
кубики высыпав из коробки...
ДОМ... улыбаюсь ему с трудом.
Хоть и характер-то мой – не робкий,
я не смогу, как умела ты –
дом возвести на любых руинах,
я из другой – бестолковой – глины,
я не умею – сады, цветы...

Бабушка, нынче ноль пятый год.
Снова предвестники революций.
Что бы сказала ты?.. Снег идет...
Страшно заснуть
и страшной – проснуться...

Строю из кубиков сыну дом –
Знаю, пройдет затяжная стужа.
Я научусь. Не сейчас – потом...
Я научусь.
Это очень нужно.

